

всей Гегелевой системы, а так как эта категория является главной категорией, выражающей самую суть нашего времени, то и Гегель, безусловно, является величайшим философом современности, высочайшею вершиною нашего современного односторонне *теоретического* образования. Но тогда именно в качестве этой вершины, именно потому, что он понял и таким образом разрешил эту категорию, именно потому он является также началом необходимого самораспада современного образования. В качестве такой вершины он уже перерос теорию (сначала, конечно, в пределах самой теории) и постулировал новый практический мир, мир, который никоим образом не будет рожден путем формального приложения и распространения готовых теорий, а будет создан только самобытным деянием практического, самостоятельного предписывающего себе законы духа. Противоположение составляет внутреннюю суть не только всех определенных частных теорий, но и теории вообще, а потому момент постижения теории есть вместе с тем и момент ее завершения; завершение же ее есть ее саморазрешение в самобытный и новый практический мир, в действительное царство свободы. Здесь, однако, еще не место для подробного развития этой мысли, а потому обратимся вновь к выяснению логической природы противоположения.

Противоположение само по себе, как объемлющее оба своих односторонних члена, целостно, абсолютно, истинно. Его нельзя упрекнуть в односторонности и необходимости связанных с нею поверхности и бедности (содержания), так как в нем содержится не только отрицательное, но и положительное и так как оно в качестве всеобъемлющего есть цельная, абсолютная полнота, вне которой ничего нет. Это обстоятельство дает соглашателям право требовать – не держаться только одного из обоих односторонних членов, а постигать их в их необходимой связи, в их неразрывности, как нечто цельное: только противоположение истинно, говорят они, а каждый из противоположных членов, взятый сам по себе, односторонен и потому неверен; следовательно, чтобы обладать истиною, мы должны постигнуть противоположение в его цельности. Но тут-то и начинается трудность. Противоположение действительно есть истина; но оно существует не как таковое, оно наличествует не как эта цельность, оно есть лишь сама по себе сущая, скрытая цельность, а его существование есть именно противоречащее себе раздвоение обоих его членов – положительного и отрицательного. Противоположение как целостная истина есть неразрывное единство простоты и самораздвоения в одном; это его сама по себе существующая, скрытая, а вместе с тем его ближайшим образом непостижимая природа, и именно потому, что единство это – скрытое, противоположение тоже существует односторонне, лишь как раздвоение его на члены; оно наличествует лишь как положительное и отрицательное, а эти последние столь решительно взаимно исключают друг друга, что это их взаимоисключение и определяет целиком их природу. Но как же тогда постигнуть цельность противоположения? Здесь, по-видимому, могут представиться два выхода. Или сознательно отвлечься от раздвоения и обратиться к простой, предшествовавшей раздвоению противоположения цельности, но это невозможно, потому что непостижимое все же остается непостижимым и потому что противоположение как таковое непосредственно существует только как раздвоение, а помимо него не существует. Или можно попытаться по-матерински примирить противоположные члены, в чем и состоит все стремление соглашательской школы. Посмотрим, удастся ли им это в действительности.

Положительное представляется на первый взгляд покоящимся, неподвижным; оно ведь только потому и является положительным, что оно без помехи покоится в себе и не содержит в себе ничего могущего его отрицать, только потому, что внутри его самого нет никакого движения, ибо всякое движение есть отрицание. Ведь положительное именно и есть нечто такое, в чем заложена неподвижность как таковая: нечто мыслимое само по себе как абсолютная неподвижность. Но мысль о неподвижности неотделима от мысли о движении, или, вернее, обе они суть одна и та же мысль. Итак, положительное, абсолютный покой, является положительным лишь по отношению к отрицательному, абсолютному не покою. Положительное внутри самого себя связано с отрицательным, как со своим собственным живым определением. Таким образом, положительное занимает двоякую позицию по отношению к отрицательному: с одной стороны, оно покоится в самом себе и в этом апатическом, самодовлеющем покое ничего в себе от отрицательного начала не имеет; но, с другой стороны, именно благодаря этой неподвижности оно, как нечто в самом себе противоположное отрицательному, деятельно исключает из себя отрицательное; но эта деятельность исключения есть некое движение. А потому положительное, как раз благодаря своей положительности, становится само в себе не положительным, а отрицательным: исключая из себя отрицательное, оно исключает себя из самого себя и само осуждает себя на гибель.